

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА
В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

●
Крапленая карта мира
Десять с половиной идей
Шпионка, пришедшая с севера
Хозяйка Изумрудного города
Трудно быть солнцем
Вечность продается со скидкой
Золотая клетка для синей птицы
Кровь Троянского коня
Закат созвездия Близицево
Восьмой смертный грех
Дворец, где разбиваются сердца
Ключ к волшебной горе
Профессия - первая леди
Демоны зимних ночей
Шоу в жанре триллера
Звездный час по тарифу
Ночь с Каменным Гостем
Вилла розовых ангелов
Святой нимб и терновый венец
Воздушный замок Нострадамуса
Лес разбуженных снов
Побег с Алазурного берега
Еще один знак Зодиака
Миф страны эдсальвейсов
Последний бог
Код одиночества
Под маской хеппи-энда
Вендетта. День первый
Огненный холод
Вечер в городе соблазнов
Интервью с магом
Корона последней принцессы
Лига охотников за вампирами
Тайный приют олигарха
Имя мне легион
Хранители судьбы
Призраки страсти
Ночь всех святых
Знак свыше
Жрец смерти
Псевдоним Венеры
Путешествие в снах
Русалки белого озера
Вечной жизни не хватит
Обратная сторона смерти
Глаза цвета тьмы
Венец творения
Связанные одной тайной
Зеркальный лабиринт мести
Потрошитель душ
Тринадцатая Ева
Танцующая с дьяволом
Отель сокровенных желаний
Город ведьм
Крылатый сфинкс, печальный цербер
Небо слишком высоко
Ремейк кошмара
Алхимия иллюзий
Билет в Зазеркалье

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

БИЛЕТ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Билет в Зазеркалье : [роман] / Антон Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Авантюрная мелодрама).

ISBN 978-5-04-103811-3

Инна давно уж смирилась, что у ее мужа есть другая семья, и даже готова была согласиться на развод, тем более в ее жизни тоже появился человек, которого она полюбила. Но того, что Геннадий предпочел их сыну детей от любовницы, а Женечку вычеркнул из своей жизни, Инна простить не могла. Она готова была на все, чтобы защитить своего ребенка, но и Геннадий не собирался уступать. Теперь их связывал только бизнес, который они когда-то строили вместе. Но даже риск потерять совместное дело не мог сплотить семью. А если под угрозой окажется их сын? Инна верила, что Геннадий поможет ей защитить Женечку, но недооценивала опасность, которая грозит ей самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103811-3

© Леонтьев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Когда люди уже не любят друг друга, им трудно найти повод для того, чтобы разойтись.

Франсуа де Ларошфуко

Взять в руки двуствольное охотничье ружье, навести его на безоружного человека и без малейших колебаний выстрелить выпало Инне в день своего пятидесятилетия. Это был конец июня — неимоверно душный, неприятно пыльный и рекордно бездождливый.

Инна была удивлена, когда в начале года муж сам завел разговор о ее грядущем юбилее.

И то, что этот день по совместительству был двадцать седьмой годовщиной их свадьбы, ничего не меняло.

Ровным счетом ничего.

Она не хотела никаких торжеств — ей подобные чествования были смешны, а *кроме того...*

Кроме того, Инне было отлично известно, что у ее мужа Геннадия имеется другая семья — *не просто* любовница, как раньше, с чем она в течение многих лет мирилась, а именно что другая семья.

Параллельная супруга и дочка. Причем на две семьи Геннадий жил уже в течение четырех лет, а не исключено, и дольше.

Впрочем, Геннадий не особо скрывал этот факт, хотя с Инной *никогда* не говорил на эту тему, а она считала ниже своего достоинства задавать ему вопросы.

Раньше, в те далекие сладостные времена, когда они безумно любили друг друга (самое важное вовсе не в том, что *безумно*, а в том, что *любили*), когда не могли прожить друг без друга ни дня, ни часа, ни мгновения, когда наслаждались эротическими играми и не могли насытиться друг другом, когда...

Когда они были на тридцать лет моложе и на энное количество миллионов в свободно конвертируемой валюте беднее.

Или даже *миллиардов*.

В общем, в *другой* жизни. Даже не в другой: в *чужой*. В жизни, которую вроде кто-то и прожил, но отнюдь не Инна с Геннадием.

Да нет же, каким таким Геннадием, с ее Генкой...

Ее мужем, отцом ее дочерей и сына.

Неужели она достигла того предела, когда начинаешь ворчать и, тяжело вздыхая, думать о том, что раньше все было лучше?

Но лучше или нет, даже не в этом вопрос. По крайней мере, раньше *было* — а сейчас полностью сошло на нет. Даже не сейчас. А скорее, *когда-то. Когда?*

Этим вопросом Инна задавалась в последнее время, если честно, в *последние годы*. И не находила ответа. Потому что, несмотря на то что любовь бесспорно прошла, если вообще и была (да нет же, была, конечно, *была*, да еще какая!), оставались воспоминания.

Хотя что такое воспоминания? Не более чем осколки кривого зеркала.

Еще имелись дети — две взрослые дочери и подросток-сын. Женечка — названный так в честь ее отца.

Да, в честь ее отца и своего деда по материнской линии, который к моменту рождения внука был уже мертв. Не в честь *своего* отца, Гены... Ее Генки — хотя Инна думала об этом. До диагноза супруг страстно желал, чтобы сын получил его имя. А потом...

Потом никогда не упоминал об этом. Так нужно ли при *таком* раскладе сыну имя своего отца? Отца, который никогда его не любил и, узнав по результатам обследования о том, что его сын *с большой долей вероятности* страдает трисомией 21, то есть синдромом Дауна, без колебаний предложил сделать Инне аборт. А когда она заявила, что ни за что не пойдет на убийство своего ребенка, примирительно погладил по руке и, допустив возможность родов, заявил, что «это» в таком случае надо будет немедленно сдать в детский дом.

«Это» оказалось их Женечкой, точнее, конечно же, ее Женечкой, которого Инна зачала в тридцать девять и родила в сорок. И который, наряду с журналом, ее литературным журналом, стал центром ее жизни.

И ее смыслом.

Интересно, их любовь с Генкой умерла именно в *этот* момент?

Нет, наверное, и раньше, или позже: разлад имел место и до рождения Женечки, а чудные мгновения в совместной жизни и после.

Но...

Ну что же, если не дети, то, быть может, *деньги*?

Денег у них было достаточно, вернее, столько, сколько никому не требовалось. Инна даже не ведала, сколько именно — в финансовых вопросах супруг был крайне скрытен, а после то-

го как она по собственному желанию (в самом деле *собственному*: драйв уже был далеко не тот, как в годы становления их *маленького* бизнеса, ставшего затем *большим* и под конец *огромным*) вышла из состава совета директоров холдинга и занялась обустройством своего нового проекта, крошечного издательства высоколобого литературного журнала, совершенно убыточного, но принадлежавшего исключительно ей самой, Инна совершенно не интересовалась количеством денег на счетах мужа.

А Геннадий с начала нулевых ежегодно всплывал в различного рода (официальных, полуофициальных и вовсе неофициальных) списках «самых богатых» соотечественников — на разных местах, с разными суммами совокупного состояния, однако всегда со столькими нулями, что от них рябило в глазах.

Господи, неужели они когда-то были *бедными*? И не только бедными, даже нищими...

Но с тех пор все радикально изменилось. Вместо комнатки общежития у них имелось несколько особняков, разбросанных по всему миру, сколько именно, Инна даже не знала.

И знать не хотела, так как была далеко не во всех из них: не было времени на жизнь светской львицы, полную неги, ничегонеделания и наездов то в отечественные, то зарубежные виллы, шале, палаццо, дворцы. И слава богу, у нее ведь имелся журнал.

Ее журнал — и только ее!

Да, наверное, это и удерживало их, две вращавшиеся на разных орбитах планеты, в зоне взаимного притяжения. У Геннадия был *его* холдинг — у нее был *ее* литературный журнал.

А еще у них были деньги, дети и...

И ни капельки любви.

Нет, не то чтобы они ненавидели друг друга — от любви до ненависти полшага, как, впрочем, наоборот. По крайней мере, и то и другое — сильные чувства.

А у них уже давно не было друг к другу сильных чувств. И вообще *никаких* не было. Причем, как ни старалась Инна припомнить, не могла отыскать тот момент, когда эти чувства, которые были, вдруг исчезли.

И дело было не в моменте, а в долгом, незаметном (или не замечаемом) процессе. Итогом которого стало полное безразличие, чуть приправленное брезгливостью, легким раздражением и незыблемо зиждившееся на таком кошмарном фундаменте, как привычка.

Название тому процессу было очень простое: *жизнь человеческая.*

Инна понимала, что их отношения не просто перешагнули зенит, отношения изжили себя, однако они жили дальше. Геннадий, как ни странно, оказался в чем-то даже честнее Инны, если в таком случае можно вести речь о честности: активно отрывался на стороне, заводил интрижки одну за другой, менял пассий как перчатки.

Однако соблюдал декорум и никогда не поднимал вопроса о разводе — потому как зачем?

В самом деле: *зачем?*

А она... Она ведь знала, что любви, прежней любви, нет. Но были дочери, сначала маленькие, а потом *вдруг* взрослые. Был сын, которому в конце года, в западное Рождество, должно исполниться десять. Был ее солидный, толстый, респектабельный (и читаемый парой десятков ты-

сяч интеллектуальных фанатов, в основном филологов с академическими степенями) частный литературный журнал, печатавший все то, что ни одно коммерческое издательство, по причине полной нерентабельности современной авторской российской прозы и никому не известных переводных авторов, никогда бы печатать не стало.

И это была ее жизнь.

А у Геннадия была *своя жизнь*. Длинноногие рыжеволосые тощие спутницы регулярно менялись, оставаясь (видимо, такие Генке нравились больше всего: ведь когда-то Инна сама *была такой!*) длинноногими, рыжеволосыми и тощими.

А потом вдруг появилась эта самая — звавшаяся, по странному стечению обстоятельств (или по щучьему, что ли, велению?), а скорее, по капризу этой самой *жизни*, обожавшей подобные прикольчики, тоже *Инной*.

Только эта Инна была не длиннонога, не рыжеволоса и отнюдь не тонка. Невысокая, коренастая, плотная, темноволосая и большая любительница сладкого, что отлично просматривалось на ее тициановской фигуре.

Инна, которой «доброжелатели» из числа околоиздательских и квазилитературных прихлебателей донесли об этом — *гм...* — мезальянсе, была, как и все прочие, уверена в том, что Геннадий, решивший вдруг сменить арбузную корку на хрящик, быстро вернется к прежнему циклу.

Но не тут-то было.

Инна, *другая* Инна, в бытность свою референточка из юридического отдела холдинга в Москва-Сити, была, быть может, и не идеальных пропорций, однако *явно с мозгами*. И сумела пленить

Геннадия не только на короткое время, как ее предшественницы. Уж неизвестно чем, хотя и относительно этого ходили крайне гнусные и даже просто мерзкие слухи о том, что дело *не только* в салатах «оливье» и селедках «под шубой», которые Инна делала виртуозно.

А Инна, *настоящая* Инна, как-никак историк по образованию, вдруг подумала, что подобный казус уже имел место в семье одного крайне богатого и чрезвычайно могущественного мужчины. Король-солнце, Людовик XIV, покоритель женских сердец и постелей прелестных аристократок, отринул в итоге их всех, взяв себе в любовницы средних лет неказистую вдовицу, воспитательницу детей своей последней божественной фаворитки-маркизы. И не только взял, а дал потом божественной фаворитке-маркизе полную отставку. И в итоге, после смерти своей давно и прочно забытой королевы, сочетался с бывшей гувернанткой узами пусть и тайного, но вполне реального брака, возведя ее в статус морганатической супруги самого влиятельного человека той эпохи и дав ей то, к чему стремились, но чего не получили нежившиеся на королевском ложе юные тонкие прелестницы.

Так неужели эта самая Инна — и есть новоявленная серая мышка-гувернантка, способная отправиться в нирвану прелестную маркизу, стать супругой некогда ветреного, вдруг сделавшегося постным святошей короля и держать его до самой его кончины в ежовых рукавицах?

Впрочем, когда Инна, *другая* Инна, забеременела (об этом опять же оперативно донесли «доброжелатели»), Инна, *настоящая* Инна, не придавала этому значения, хотя испытала...

Досаду? Нет, скорее *ревность*.

А потом, когда на свет появилась девочка, — злорадство, смешанное с досадой на саму себя по причине этого самого идиотского злорадства.

Еще бы, ведь она была отлично в курсе, как страстно желал Геннадий сына и как переживал по поводу того, что его сын был...

Был *уродом*, как он выразился однажды. Тогда Инна и закатила ему оплеуху — в первый, *но не последний* раз.

Быть может, их любовь умерла именно в тот момент? Кто знает, но какая теперь *разница*?

Любовь умерла, и воскресить ее из мертвых нельзя ни припаркой колдовских трав, ни чародейским заклинанием, ни волшебной палочкой.

Да, Геннадию был нужен сын и наследник. Как будто две взрослые дочери (теперь, собственно, *три*, хотя младшая еще ребенок) были не в счет.

А, может, в самом деле были не в счет?

Однако Геннадий твердил о том (эти разговоры на редких светских раутах и в особенности официальных приемах, которые Инна, по причине своего статуса, должна была посещать, поднимались наверняка не единожды. И однажды Инна случайно услышала), что Инна, *его* Инна, готова пойти на искусственное оплодотворение, чтобы родить точно мальчика.

А не «очередной унылый бабец».

Инна, огромным усилием воли выждав, пока приятель отойдет в сторону, подошла к супругу и, плеснув ему в лицо шампанским, произнесла:

— Если ты имеешь что-то против очередного унылого бабца, то переключайся на бойца. Господи, Геныч, кем ты стал!

А затем, лежа на кожаном сиденье бесконечно длинного лимузина, мчавшего ее за город, к их дворцу, вдруг подумала о том, что закономерен вопрос: а кем стала *она сама*?

Кем?

Сей нелицеприятный разговор она подслушала на новогоднем приеме, а сам Новый год встретила отдельно от мужа (впрочем, когда они в последний раз встречали Новый год *вместе*?) на теплых островах, куда решила полететь из холодной, завьюженной, снежной Москвы.

Нет, не полететь, а бежать.

Она и бежала — вместе с Женечкой, который так любил море. Хорошо, что супруг хоть не чинил препятствий для поездок несовершеннолетнего сына за границу.

Попробовал бы он чинить! Впрочем, *этот урод*, как выражался муж, никогда его не занимал.

Поэтому, когда после долгой череды январских праздников Инна наконец появилась в столице (приняв решение, что покинет опостылевший подмосковный дворец, который никогда не любила и который своими ненужными размерами и кричащей роскошью больше напоминал ей резиденцию карикатурного главного злодея из пародии на фильм о Джеймсе Бонде), то была крайне удивлена, когда супруг, которого она навестила в его гигантском офисе, занимавшем практически целый этаж в макушке стеклянной стрелы в Москва-Сити, встретил ее как ни в чем не бывало, точнее, даже весьма радушно, и первым делом завел речь о ее пятидесятилетии в конце июня.

— Думаю, нет смысла это обсуждать, так как я не намерена больше жить с тобой вместе и пере-

бираюсь в столичную квартиру, — прервала тогда излияния супруга Инна.

А Геннадий заявил, словно все время ждал именно этой информации:

— Ну господи, Нинка, конечно же! Тебе оттуда до твоего журнала рукой подать, не надо в вечных пробках стоять. Или, может, купить новую, получше и покруче?

Нинка... Как давно он не называл ее *так...* Этим нежным именем, которым наградил ее когда-то, во время их первого знакомства, не расслышав ее имя. Это стало их персональной шуткой, позднее — семейной фенечкой.

— А как же *твоя* Инна? — осведомилась саркастически законная супруга. — Ей разве не нужна квартира получше и покруче? Или она берет *борзыми щенками*?

Геннадий поморщился, вздохнул, подошел к панорамному окну и, заложив за спину руки, ответил:

— Нинка, знаю, что сволочь, но мы же любим друг друга...

Любим? Как ни была она зла на мужа в тот момент, от его слов сердце немедленно растаяло и злость последних недель, съедавшая изнутри, испарилась без следа.

Супруг повернулся и, улыбнувшись — так же, как улыбался всегда, и от чего она раньше сходила с ума, добавил:

— Так что давай устроим настоящий праздник! Пятьдесят лет раз в жизни бывает...

— Семь, двадцать девять или сто четырнадцать, собственно, тоже, — пробормотала Инна, однако в итоге позволила себя уговорить.

Потому что наивно посчитала, что, несмотря на все невзгоды и противоречия, на все душев-

ные раны и отрицательные эмоции, у них есть шанс...

И только позднее поняла, что шанса *изначально не было*.

Истина открылась ей не сразу, хотя Инна была обескуражена тем, что супруг, ни с того ни с сего пойдя на сближение, не предпринимал новых попыток. Точнее, предпринимал, причем даже весьма активно, но вовсе не те, которые были бы уместны.

Он подослал к ней говорливых, всезнающих, вызывавших желание выкинуть их в окно (причем желательно с *последнего* этажа небоскреба), со всеми их многочисленными причиндалами, ивент-мейкеров, хеппенинг-планеров и юбилей-менеджеров.

Они просто сводили Инну с ума, кроме того, отвлекали от работы в издательстве журнала, заставляя переключаться на абсолютно ненужные и попросту смехотворные вещи.

Оттенок драпировки для столов. Сорты цветов для гирлянд. Цвета фарфоровой посуды для банкета. Музыкальные пристрастия ее самой и мужа.

Супруг держал руку на пульсе, исправно звонил и даже навещал Инну в офисе издательства, тараторил о пустяках, пил с ней кофе, болтал ногами, сиживая в ее кресле, был рядом, как никогда в последние годы, и в то же время невероятно далеко.

А потом от нее потребовалось подписать какие-то документы: точнее, Геннадий попросил подписать их, притащив самолично целый кейс бумаг.

Никаких референтов и тем более *референток* из юридического отдела при супруге не было.